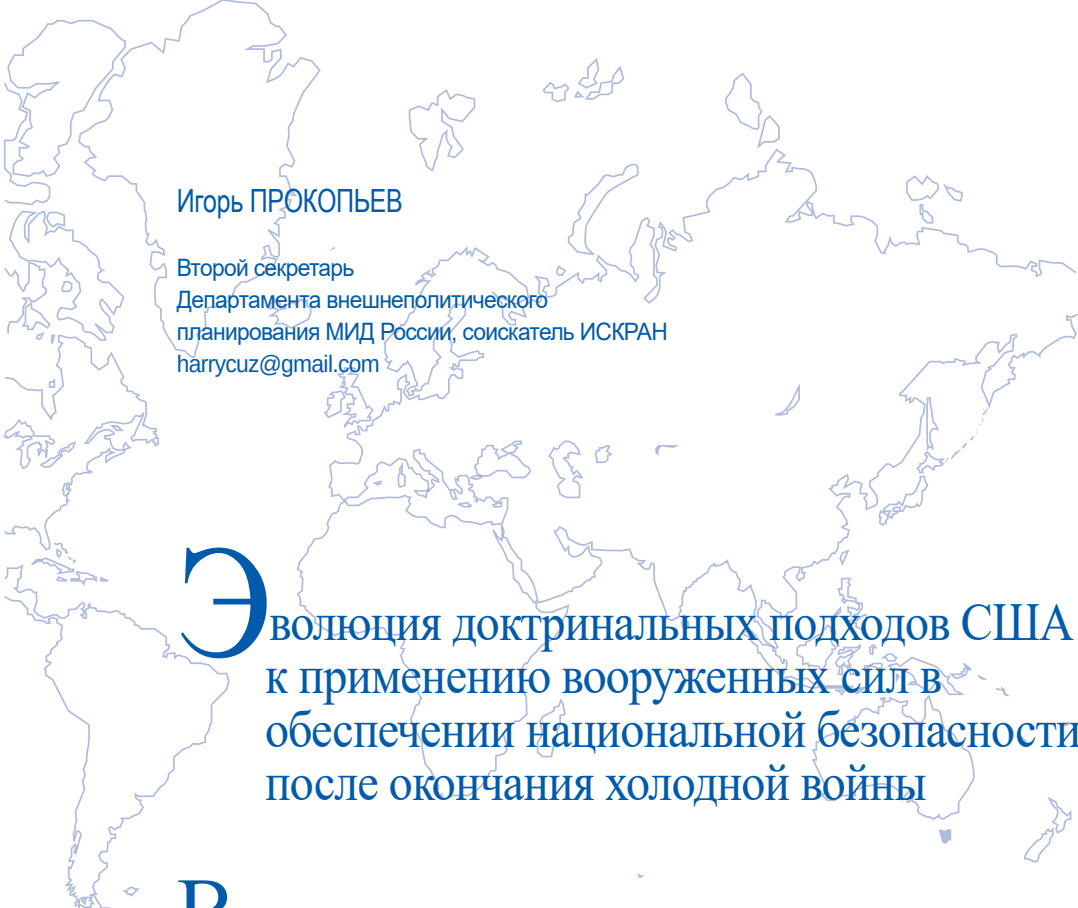

Игорь ПРОКОПЬЕВ

Второй секретарь
Департамента внешнеполитического
планирования МИД России, соискатель ИСКРАН
harrycuz@gmail.com

Эволюция доктринальных подходов США к применению вооруженных сил в обеспечении национальной безопасности после окончания холодной войны

Вопросы применения военной силы занимают одно из ключевых мест в стратегии обеспечения национальной безопасности США. В последние 25 лет представления о значении этого инструмента защиты интересов и достижения целей государства претерпели изменения, отражающие попытки американской правящей элиты адаптироваться к качественным сдвигам в международных отношениях и мировой экономике и разницу в концептуальных подходах руководства страны к ее месту и роли в мире.

На протяжении холодной войны - ввиду устойчивого характера модели биполярного мироустройства - у Вашингтона отсутствовала острая необходимость в регулярном обновлении стратегических целей и задач, которые сводились к политике сдерживания СССР как единственного противника, способного равноценно противостоять США во всех сферах¹. Поэтому в течение почти полувека кардинально не менялись и официальные взгляды на использование вооруженных сил (ВС).

Рубежным событием для американской военно-стратегической мысли можно считать Закон Голдуотера - Николса о реорганизации Министерства обороны 1986 года^{2,3}. В нем предписывалось направлять в Конгресс регулярные доклады о «стратегии национальной безопасности», которые отражают важнейшие интересы, цели и задачи США в глобальном масштабе, внешнеполитический курс, оценку международных обязательств и оборонные возможности для сдерживания агрессии и реализации этой стратегии.

Требование о подобных публикациях было предусмотрено еще в Законе о национальной безопасности 1947 года, который в общих чертах предписывал периодически представлять на рассмотрение президенту рекомендации относительно целей, обязательств и рисков для США и их военной мощи с точки зрения интересов безопасности. Но такие директивы стали составлять только при администрации Р.Рейгана, которая рассматривала их как пояснительные записки к бюджету Пентагона в обоснование материально-технических потребностей при реализации общего стратегического курса⁴.

С окончанием холодной войны к подготовке документа стали подходить серьезнее, поскольку были вынуждены считаться с тем, что мир состоял из множества центров, содержал больше угроз, процессы ускорялись, усиливалась взаимозависимость между субъектами международных отношений, возникали новые факторы влияния на национальную безопасность. Это накладывало дополнительные обязательства и на использование военной силы.

ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ В «НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ»

Для американского руководства бескровное окончание противостояния с Советским Союзом было неожиданным. Во второй половине 1980-х годов в США пытались спрогнозировать развитие конфликта с СССР, но аналитики не рассчитывали на мирный исход. В результате из-за того, что в Вашингтоне оказались не готовы к столь кардинальным изменениям, 1990-е годы для ВС стали периодом «дрейфа»⁵. Американские лидеры нуждались в новом курсе, на который должна была опереться военная организация, что привело к теоретической дискуссии о роли и месте военной силы в доктрине обеспечения национальной безопасности.

Оценивая геополитические сдвиги, администрация Дж.Буша-ст. предприняла попытку сформировать «новый мировой порядок», в рамках которого должен установиться устойчивый «демократический мир» на основе общих ценностей американского образца, что нашло отражение в трех единообразных «стратегиях национальной безопасности»^{6,7,8}. В них констатировалось, что холодная война окончена фактической победой Запада. Советский Союз больше не представлял угрозы выживанию Америки, которая отныне становилась единственной державой с глобальным охватом интересов и влиянием во всех сферах. Впервые после Второй мировой войны у США появилась возможность беспрепятственного продвижения своей повестки через гегемонию с опорой на военное присутствие во всех регионах мира.

При этом эрозия биполярности рассматривалась не только положительно, но и как вероятный источник нестабильности. Создание «силового вакуума» в результате распада враждебного военно-политического блока и отсутствие угрозы мировой войны ставили американских военных в ситуацию «стратегической неопределенности». Повысить предсказуемость и защищенность предполагалось за счет укрепления альянсов и партнерств, развития режимов контроля над вооружениями и нераспространения ОМУ, наращивания разведывательных возможностей и военной открытости, внедрения достижений «революции в военном деле» и реагирования на угрозы на раннем этапе их возникновения.

Отмечалось, что новые формы приобрел и характер потенциальных конфликтов. Вероятность мировой ядерной войны сменилась угрозой крупных межгосударственных региональных кризисов. Это требовало от ВС США перейти от политики сдерживания к доктрине «коллективного взаимодействия», то есть разделения ответственности между союзниками и партнерами с ударением на привлечение сил и средств НАТО, и обосновывало необходимость глобального присутствия. Военным также ставились новые задачи, в том числе борьба с терроризмом, наркоторговлей и участие в контрповстанческих операциях, что предусматривало применение инновационных методов и средств ведения боя.

Геостратегическая обстановка диктовала необходимость глубоких сокращений личного состава, вынуждая Пентагон реорганизовать административно-хозяйственные процессы и укрепить военно-промышленную базу. При этом войскам предписывалось быть способны-

ми сдерживать и побеждать любого противника на выгодных для Вашингтона условиях, а также совершенствовать качество подготовки и оснащения, чтобы сохранить военное превосходство не только на земле, в воздухе, на море, но и в космическом пространстве.

Администрации Дж.Буша-ст. не удалось полностью реализовать свое видение. Однако изданные директивы заложили основы применения американской военной силы на годы вперед.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ «ИЗБИРАТЕЛЬНОГО» ВОЕННОГО УЧАСТИЯ

Не имея богатого опыта решения международных проблем военного характера, демократы во главе с У.Клинтоном, однако, четко уловили изменения геополитического ландшафта. Ранее сформированное убеждение, что у США больше нет экзистенциально опасного врага, закрепило новую администрацию в непоколебимости статуса единственной сверхдержавы и позволило сосредоточить внимание на внутренней политике и экономике. По выражению президента, необходимо было «построить мост в XXI век», получив от этого максимум преимуществ для нации⁹. Окончание холодной войны сыграло на руку администрации У.Клинтона, которая воспользовалась историческим моментом, чтобы обеспечить стране непрерывный экономический рост в течение десяти лет, профицит бюджета и создание миллионов рабочих мест¹⁰.

Вместе с тем ставка на внутреннее развитие имела обратный эффект для ВС. Демократы полагали, что снизить риски будет возможно за счет «точечного» военного участия в мировых делах, реагируя на угрозы с помощью более широкого, чем силовой, инструментария. Доктринальная конструкция, зафиксированная в семи «стратегиях нацбезопасности», каждая из которых развивала и расширяла положения предыдущей, получила название стратегии «избирательного участия» и «расширения»^{11,12,13,14,15,16,17}. В экспертной же среде подход называли «адхократией», или действием по обстоятельствам¹⁸.

В директивах отмечалось, что в условиях переходного периода от холодной войны к «демократическому миру» необходимо готовиться к вызовам грядущей эпохи. Основной целью на это время становилось сохранение глобального американского лидерства путем «формирования международной среды», в которой ничто не будет угрожать американским национальным интересам и ценностям.

Детальное развитие эта задача приобрела в подготовленном Пентагоном в 1997 году «четырёхлетнем обзоре в области оборонной политики», где отмечалось, что Америка будет пользоваться статусом единственной сверхдержавы, по крайней мере до 2015 года, при условии непрекращающегося военно-политического участия в мировых делах и сохранения силового превосходства над любым противником. За этим горизонтом стратегии, однако, не исключали появления равноценного соперника в лице России или Китая¹⁹.

Динамика международных событий убедила администрацию У.Клинтона, что поступательного продвижения невоенными методами недостаточно. В Вашингтоне пришли к выводу, что масштаб и характер угроз, с которыми мировое сообщество не способно справляться, требовали активного американского участия. Но и сами США не были в состоянии бороться со всеми угрозами одновременно - им необходимо было сконцентрироваться только на тех, которые могут иметь самые негативные последствия для своих интересов и ценностей. В связи с этим применение силы предполагалось только с опорой на многостороннее решение проблем - с привлечением международных институтов, союзников и партнеров. Этот подход лег в основу расширения НАТО и проведения коалиционных операций зачастую вне системы ООН, которую американцы использовали только там, где им это было выгодно.

ВС отводилось второстепенное значение в обеспечении национальной безопасности по сравнению с дипломатией, однако они должны были оставаться самыми боеспособными, обеспечивая статус США как единственной страны, которая может вести боевые действия по всему миру и во всех оперативных пространствах, включая информационную среду. От военных требовалось достижение победы в двух проходящих одновременно крупных региональных войнах, чем объяснялась необходимость поддержания большой группировки войск. Вместе с тем предполагалось, что в перспективе все больший вызов будут представлять операции меньших размеров, где США столкнутся с растущим противодействием нетрадиционного характера, включая боевые действия в городах.

Среди таких операций американским теоретикам в первую очередь виделись «гуманитарное» содействие, многонациональные усилия по поддержанию мира, борьба с терроризмом, наркотрафиком и организованной преступностью, ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, установление бесполетных зон и точечные ракетно-

бомбовые удары. Такой взгляд составил основу доктрины гуманитарных интервенций, более известной как «доктрина Клинтона». Кроме того, отмечалось стирание границ между внутренней и внешней политикой, ввиду чего повышалась необходимость защиты внутренней территории США, в том числе за счет развертывания противоракетной обороны.

Эффективное участие в конфликтах предполагало более широкое использование сил специальных операций, космических и информационных средств, наращивание стратегической мобильности, разведывательных возможностей, оперативного межвидового взаимодействия на поле боя, а также применение инструментов непрямого военного участия, включая укрепление оборонных возможностей других стран. Также требовалась фундаментальная модернизация и «трансформация» войск с использованием достижений «революции в военном деле» путем внедрения технологических, доктринальных, оперативных и организационных нововведений.

Перед самым уходом, в декабре 2000 года, администрация У.Клинтона опубликовала «стратегию», ставшую предостережением будущему военно-политическому руководству²⁰. В документе подчеркивалось, что в обозримом будущем растущую опасность будет представлять новый тип асимметричных угроз, которые военные называли «непредсказуемым фактором» («wild card»). Широкий доступ государственных и негосударственных субъектов к критически важным технологиям в перспективе повышал вероятность нападения на гражданские цели на территории США - в обход прямого столкновения с войсками. В этой связи военная мощь не гарантировала защиту от такой опасности и требовались принципиально иные инструменты и методы обеспечения безопасности. Последовавшие события подтвердили неготовность Вашингтона к подобным сценариям.

ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ В «ДОКТРИНЕ БУША»

С приходом в 2001 году в Белый дом нового руководства подход к обеспечению национальной безопасности радикально изменился. Одной из основных причин, в значительной мере повлиявших на формирование военно-стратегического курса США в этот период, были идеологические взгляды администрации Дж.Буша-мл., которая в значительной мере состояла из республиканцев крайне

правых взглядов, или неоконсерваторов²¹. 11 сентября 2001 года на американскую территорию было совершено крупнейшее в истории террористическое нападение, которое стало не просто сильнейшим политико-психологическим потрясением для страны, но и мощным катализатором развития подходов руководства США к силовому обеспечению национальной безопасности.

В 2002 году на фоне боевых успехов в Афганистане в Вашингтоне была обнародована обновленная «стратегия национальной безопасности»²². Идеи, зафиксированные в данном документе, отражали особую парадигму - демократический глобализм. В директиве отмечалось, что победу в холодной войне одержали «силы свободы». Их поддержание оставалось жизненно важным и для победы над новыми врагами, в связи с чем США стремились установить международный баланс сил, который поощряет свободу, защищает и расширяет «демократический мир». Подход, известный как «доктрина Буша», основывался на продвижении в мировом масштабе американских ценностей всеми доступными способами и обеспечении превосходства в одностороннем порядке с опорой на применение военной силы на опережение.

Исходный тезис - за десять лет с момента прекращения биполярного противостояния международная обстановка претерпела глубокую трансформацию и требовала от США активных действий. В директиве отмечалось, что после окончания холодной войны мощь и влияние США на международные процессы были настолько несравнимы с потенциалом любой другой страны, что налагали особую ответственность за достижение «демократического мира». Впервые после распада СССР страна вновь находилась в состоянии глобальной войны, однако не с политическим режимом, который обладает войсками и представляет угрозу выживанию, а с терроризмом - разбросанными по всему миру негосударственными сетевыми структурами, которые способны нанести ущерб без значительных военных инвестиций.

Такая борьба имела идеологическую основу («свобода против страха»), однако радикально отличалась от любой другой войны. В документе говорилось, что новое противостояние будет идти неопределенно продолжительное время на множестве фронтов против весьма призрачного врага и потребует, среди прочего, международных усилий, в первую очередь со стороны НАТО, поскольку в терминах статьи V Североатлантического договора нападение на США воспринималось как нападение на весь альянс.

Авторы стратегии отмечали, что в 1990-х годах США удалось сохранить мир в стратегически важных регионах. Угроза крупных межгосударственных конфликтов отошла на второй план. Основную опасность теперь представляли террористы и сочувствующие им «государства-изгои», которые стремились получить доступ к ОМУ. Признавалось, что эти угрозы хотя и несравнимы с потенциалом, которым обладал СССР, однако существенно осложняли условия международной безопасности. Для их подавления необходимо было задействовать широкий инструментарий военных и невоенных методов.

Исходя из этих соображений, документ отражал важное изменение в стратегическом сознании американской политической элиты. Сдерживание, основанное на возмездии, признавалось неэффективным против новых врагов, что вынуждало США перейти от реагирования на угрозы постфактум к активным действиям. Угрозы необходимо было уничтожать до их материализации. На помощь американцы взяли международно-правовую концепцию упреждения, которая предусматривает в целях самообороны опережающее применение силы в случае неминуемой угрозы. Более того, ее доработали, расширив с помощью выборочного применения «превентивных действий» для предотвращения ущерба²³.

В этих условиях военное командование должно было обратить особое внимание на новые методы ведения боя и готовиться к операциям, сходным по характеру с войной в Афганистане. Новые конфликты, которые будут протекать на дальних театрах военных действий (ТВД), требовали проведения быстрых и точных операций с участием всех видов войск, использованием информационно-космической группировки и прочих средств удаленного обнаружения, а также высокоточных дальнобойных вооружений. С этой целью войска предполагалось всесторонне «трансформировать», внедрив инновационные средства и методы ведения боя, включая укрепление совместных операций, расширение разведывательных возможностей, изменение процессов внутри Пентагона. Более того, повышение мобильности, ударной мощи, гибкости и управляемости войск на территории США позволяло американцам без оглядки на союзников руководствоваться в военной политике исключительно собственными интересами²⁴.

К моменту публикации второй «стратегии» «неоконов» в 2006 году США участвовали уже в двух масштабных боевых операциях

(Афганистане и Ираке), всецело фокусируя внимание на Большом Ближнем Востоке²⁵. Причем воевали не только с террористическими организациями, но и стремились оказать давление на страны так называемой «оси зла» (Иран, КНДР, Сирия) и «форпосты тирании» (Белоруссия, Зимбабве, Куба, Мьянма), которые, по мнению американцев, угрожали расширению свободы и непосредственно США. Победа, как и в холодной войне, должна была быть не столько военной, сколько идейной.

Постулировалось, что продвижение свободы было гарантией выживания демократии в США, а значит, единственным путем обеспечить национальную безопасность. «Демократизация» считалась наиболее эффективным способом укрепить международную стабильность. Ее достижение военными методами при этом требовало разделения ресурсной ответственности с союзниками, партнерами и ведущими международными и региональными организациями при проведении операций по восстановлению мира - разумеется, под четким руководством Вашингтона, который по-прежнему хотел «опережать угрозу», чтобы влиять на глобальные события и формировать условия в мире.

В целом же отвечать на многочисленные вызовы, которым давалась новая классификация (традиционные, нетрадиционные, катастрофические и дестабилизирующие), предполагалось при помощи «точечного сдерживания». Кроме того, подтверждалась необходимость продолжения военной «трансформации», которую вписывали в более широкую реформу институтов национальной безопасности для более четкой реакции на широкий спектр долгосрочных угроз и критических ситуаций. Однако к концу второго срока Дж.Буша-мл. стало очевидно, что стратегический курс «неоконсерваторов» создал больше проблем, чем решений, и нуждался в корректировке.

ХАРАКТЕР ВОЕННОЙ АКТИВНОСТИ ПРИ Б.ОБАМЕ

С приходом в Белый дом демократов было ожидаемо, что подходы к формированию стратегии безопасности поменяются. Команда нового президента не имела большого опыта в военно-политических делах. При этом в наследие ей досталось множество проблем, к которым надо было срочно приспосабливаться. К концу 2000-х годов США «завязли» в двух зарубежных военных кампаниях, что вызывало

стойкое неприятие к контрповстанческим и стабилизационным операциям среди высшего военно-политического руководства, желавшего поскорее выйти из конфликтов. Параллельно ощущались негативные эффекты от мирового экономического кризиса.

С учетом этого, администрация Б.Обамы стала ориентироваться на возвращение авторитета в мире и восстановление экономического потенциала после рецессии, снижение военной активности и отход от политики участия в комплексных войнах далеко за пределами своей территории²⁶. Такое видение нашло отражение в директиве 2010 года, получившей название стратегии «национального обновления и глобального лидерства»²⁷.

В США исходили из того, что ускорение и повышение взаимозависимости процессов влияли на состояние международной и американской безопасности. Количество вызовов для Америки, несмотря на военные достижения, продолжало расти. Традиционные угрозы уступили место широкому спектру асимметричных. Все большую опасность стали представлять конфликтный потенциал, порождаемый «недееспособными» государствами в различных регионах, а также вероятность крупномасштабного нападения на американскую критическую инфраструктуру и информационные сети. На этом фоне военно-стратегический фокус Вашингтона смещался в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), отесняя на вторые позиции Большой Ближний Восток и Европу.

Новые условия требовали иных подходов. В Белом доме признавали, что США не были способны решать все мировые проблемы в одиночку, это становилось возможным только коллективными усилиями. Используя доктринальные наработки предыдущих администраций, планировалось продвигать разделение ответственности за безопасность в мире и формировать международный порядок, способный реагировать на вызовы самостоятельно - с минимальным участием, но под надзором США. В критических ситуациях американцы сохраняли за собой право односторонних силовых действий.

Для реализации этого видения стратегия предусматривала применение широкого инструментария. На вооружение взяли концепцию «всеобъемлющего участия», которая означала коллективное предотвращение проблем путем укрепления и модернизации американоцентричных международных институтов и продвижения международных норм, порой отличных от универсально признанных,

привлечения ведущих центров влияния, расширения партнерских отношений в ключевых регионах, поддержки «справедливого мира» непрямыми инструментами, включая помощь оппозиционным силам в государствах - противниках США.

Войскам в это время предписывалось восстановить боевые возможности после Ирака и Афганистана таким образом, чтобы быть способными поддерживать превосходство во всех оперативных пространствах, и готовиться к участию в широком спектре конфликтов. Стратегия поручала им в первую очередь устанавливать новые партнерские связи по всему миру, чтобы лучше сдерживать и подавлять агрессию в будущем. В целом признавалось, что в перспективе роль военной силы будет снижаться и по мере совершенствования технических, боевых и доктринальных возможностей и укрепления союзов будет расти применение более эффективных альтернатив влияния на враждебные государства - санкций и изоляции.

Во второй редакции документа, изданной в 2015 году, на фоне очередных геополитических сдвигов, несмотря на то, что на словах приоритет в достижении целей по-прежнему отдавался дипломатии и прочим невоенным методам, военная сила признавалась «краеугольным камнем американской безопасности», позволявшим Америке сохранить лидирующее положение на мировой арене²⁸. Как прежде, Вашингтон избирательно подходил к применению военной силы, полагая, что оно допустимо, только когда под угрозой - выживание американского народа или безопасность ближайших союзников. В случаях, не задевавших ключевые интересы напрямую, эффективнее мобилизовать дружественные государства и упомянутый невоенный инструментарий.

Это побуждало США углублять перекройку под свое видение международной архитектуры коллективной безопасности за счет структурно-функциональной адаптации существующих многонациональных институтов, особенно НАТО, наращивать военную и материальную помощь странам, ведущим на своей территории борьбу с терроризмом, расширять дистанционные операции с применением ударной беспилотной авиации. Такой подход допускал действия вне международно-правового мандата ООН, авторитет которой американцы все чаще ставили под сомнение.

В этих условиях ВС США ставили цель - защищать долгосрочные интересы государства, обеспечивая «рычаг» для американской ди-

пломатии, сдерживать и при необходимости разгромить любого вероятного противника на нескольких ТВД, выполнять широкий набор функций, отражая ракетные, кибернетические и террористические угрозы, а также сглаживая последствия возможного военного нападения на США или природных бедствий. Помимо этого, их задача в глобальном масштабе - поддержание региональной стабильности, контртеррористические и гуманитарные операции, работа с союзниками и партнерами.

После вывода основного воинского контингента из Ирака и Афганистана предполагалось, что ВС, вновь вошедшие в фазу сокращения, пройдут глубокую модернизацию, которая позволит им - во многом благодаря военно-техническим инновациям - меньшими силами доминировать в любом оперативном пространстве и участвовать в более широком спектре операций. Приоритетное финансирование обещали сохранить только на развитие сил стратегического сдерживания, космические, разведывательные и киберсредства. На практике такой подход лишь еще больше вывел войска из равновесия, усилив трения между Пентагоном и Белым домом, решение которых досталось новой администрации США.

«АМЕРИКА ПРЕЖДЕ ВСЕГО»

Опубликованная в декабре 2017 года Стратегия национальной безопасности администрации Д.Трампа содержит критику не только доктринальных установок обамовских демократов, но и всего стратегического курса США последних двух десятилетий²⁹. В представлении новых республиканцев нынешняя геополитическая ситуация требует срочного качественного пересмотра подходов к обеспечению безопасности и достижению выгодного американцам глобального баланса сил.

Современный мир рассматривается в качестве опасной арены непрерывного соперничества, где проблемы тесно переплетены и носят долгосрочный характер. В этих условиях говорится о том, что США должны вернуть себе лидерство, в основе которого опора на собственные силы и интересы (формула «Америка прежде всего»), действовать инициативно, с позиций «принципиального реализма». Такой подход, однако, не исключает и даже поощряет разделение ответственности и расходов с союзниками при противодействии общим угрозам.

Констатируется, что, несмотря на победу в холодной войне, Америка не смогла в полной мере воспользоваться преимуществами единственной сверхдержавы. С начала 1990-х годов США «наивно» полагали, что обеспечили военное превосходство и скорое достижение «демократического мира» неотвратимо. Распространение либерализма и демократии так и не привело к фундаментальным переменам характера международных отношений. Расчет на то, что конкуренция уступит место мирному взаимодействию, не оправдался.

В Белом доме исходят из того, что, когда Америка перестает лидировать, «пустоту» заполняют другие страны в ущерб интересам США. Жалуются, что долгое время Вашингтон «дрейфовал», стараясь найти свое место в мире, в итоге упустил преимущества в ключевых сферах, чем воспользовались соперники, которые сегодня все активнее пытаются изменить мир в свою пользу, препятствуя геополитическим интересам США.

Признается, что вместо того, чтобы укреплять военные возможности, США сокращали численность ВС, ошибочно убедив себя в том, что все войны будут протекать быстро, на значительном удалении и с минимальными потерями. В итоге замедлились разработка и поставки в войска передовых образцов ВВТ. Проблемы с бюджетом способствовали дальнейшей эрозии американского военного доминирования. Кроме того, войска по-прежнему не поспевают за темпом развития технологий и угроз, да и инновации, как оказалось, не способны компенсировать глубокие сокращения личного состава.

Вдобавок, говорится в документе, государства-конкуренты не оставляют попыток подорвать американские ценности и интересы, совершенствуют свои обычные и ядерные силы. Даже относительно слабые страны благодаря доступу к передовым технологиям могут представлять прямую угрозу. Некоторые противники и вовсе сумели лучше американцев адаптировать инструменты достижения целей и своими «враждебными действиями» успешно бросают вызов США и союзникам, «исподтишка» препятствуя реализации их курса.

Мириться с таким положением дел в Вашингтоне не намерены. Там хотят вернуть себе военное превосходство, которое в сочетании с другими элементами национальной мощи позволит сформировать международную среду таким образом, чтобы ни в одном

регионе не было другой доминирующей державы. В этой связи впервые со времен холодной войны в доктринальный оборот возвращается возможность противостояния между великими державами в духе Р.Рейгана, требующая от американцев подготовки к «большой» войне.

Военная сила при Д.Трампе - важнейший компонент обеспечения национальной безопасности. При этом США должны руководствоваться новыми принципами, чтобы «сохранить мир посредством силы» - демонстрации своего потенциала (*preserve peace through strength*), закрепив передовое присутствие мобильных в глобальном масштабе ВС. Пентагону поручено проработать новые концепции и создать возможности для победы в условиях отсутствия гарантированного преимущества на любых ТВД. В долгосрочной перспективе, основываясь на опыте кампаний последних лет, сохранить навыки ведения «нерегулярных» боевых действий для продолжения борьбы с терроризмом.

В ответ на кратные сокращения стратегического арсенала и снижение его роли в обеспечении безопасности в последние десятилетия США намерены значительно инвестировать в модернизацию стратегической «триады» и сопутствующей инфраструктуры. Расширительно трактуется и понятие «сдерживание», которое, в силу радикального изменения ситуации в мире и появления у противников возможностей нанести по США «стратегический удар» без применения ядерного оружия, должно вестись во всех оперативных пространствах.

Все это предусматривает новый взгляд на функционирование и оснащение военной организации. В планах администрации Д.Трампа увеличить численность личного состава, повысить его боеготовность на случай масштабной войны и продолжительного участия и победы в широком наборе других операций. Требуется укрепить оперативно-боевую подготовку, наладить материально-техническое обеспечение и ускорить переброску к месту проведения операций. Кроме того, наладить более эффективное и менее затратное производство и приобретение ВВТ с применением передовых коммерческих технологий, включая достижения в области вычислительной техники и средств автономного боя. Первые результаты военной политики действующей администрации свидетельствуют о решительном настрое.

Стратегия национальной безопасности, задуманная как форма отчетности перед законодателями для оправдания бюджетных расходов на оборону, сегодня является основным ориентиром для оценки военно-стратегического видения руководства США. Именно на этот доктринальный документ опираются ВС при подготовке директив более низкого порядка.

Вместе с тем далеко не всегда их содержание было тождественно общему стратегическому курсу США (*grand strategy*). До событий 11 сентября 2001 года, как отмечают сами американцы, документы зачастую были пространными заявлениями о текущей политике - во многом из-за того, что у Америки отсутствовал конкретный противник^{30,31}. В 1990-х годах их публикация нередко была констатацией состояния международной безопасности и американских достижений с элементами эпизодического планирования и невнятных механизмов реагирования на внешние угрозы^{32,33}. Преемственность подходов позволила концептуальным нововведениям в части использования военной силы найти применение годы спустя. В итоге, начиная с Дж.Буша-мл., стратегии стали своеобразным «барометром» поведения США в мире³⁴.

На протяжении последних 25 лет различные администрации США неизменно декларировали особую ответственность за обеспечение международной безопасности. Во многом с опорой на военную силу - во имя «обеспечения лидирующей роли США в мире», руководствуясь «глобальным характером американских интересов», исходя из «готовности к участию в конфликтах любой интенсивности, с любым противником и в любой точке планеты»³⁵. Причем, независимо от трактовки окружающей действительности, настойчиво стремились, следуя собственным представлениям, сформировать подконтрольный международный порядок, отличный от действительно коллективной системы мироустройства, основанной на универсальных международно-правовых принципах и ключевой роли ООН. Такой подход сохраняется и в обозримой перспективе вряд ли претерпит существенную корректировку.

¹Dale C. National Security Strategy: Legislative Mandates, Execution to Date, and Considerations for Congress. Congressional Research Service Report for Congress RL34505, December 15, 2008.

²Ibid.

³*Nagl J., Snider D.* National Security Strategy: Documenting Strategic Vision // Joseph R. Cerami & James F. Holcomb, Jr. (ed.). U.S. Army War College Guide to Strategy, 2001 // <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/army-usawc/strategy/index.htm>

⁴Ibid. P. 130.

⁵*Gholz E., Sapolsky H., Talmadge C.* US Defense Politics: the Origins of Security Policy. Routledge, NY, 2014. P. 13-14.

⁶National Security Strategy of the United States, The White House, March 1990.

⁷National Security Strategy of the United States, The White House, August 1991.

⁸National Security Strategy of the United States, The White House, January 1993.

⁹Democratic National Convention Remarks by President Bill Clinton, Chicago, August 29, 1996.

¹⁰*Troy G.* A Bill Clinton balance sheet: Peace, prosperity, pluralism, and progress. The Brookings Institution, December 3, 2015 // URL <https://www.brookings.edu/blog/2015/12/03/a-bill-clinton-balance-sheet-peace-prosperity-pluralism-and-progress> (accessed May 18, 2018).

¹¹A National Security Strategy of Engagement and Enlargement, The White House, July 1994.

¹²A National Security Strategy of Engagement and Enlargement, The White House, February 1995.

¹³A National Security Strategy of Engagement and Enlargement, The White House, February 1996.

¹⁴A National Security Strategy for A New Century, The White House, May 1997.

¹⁵A National Security Strategy for A New Century, The White House, October 1998.

¹⁶A National Security Strategy for A New Century, The White House, December 1999.

¹⁷A National Security Strategy for A Global Age, The White House, December 2000.

¹⁸*Burk J.* The Institutional Presidency: Organizing and Managing the White House from FDR to Clinton. Johns Hopkins University Press, Baltimore, MD, 2000. P. 180.

¹⁹The Report of the Quadrennial Defense Review. Washington, DC: Secretary of Defense, May 1997.

²⁰A National Security Strategy for A Global Age, The White House, December 2000.

²¹*Батюк В.И.* Национальная оборонная стратегия США после неоконсервативной революции // США, Канада: экономика, политика, культура. 2007. №7. С. 21-38.

²²The National Security Strategy of the United States of America, The White House, September 2002.

²³*Warren A.* Prevention, Pre-emption and the Nuclear Option. Routledge, NY, 2012. P. 126-128.

²⁴*Батюк В.И., Володин Д.А., Дьякова Н.А.* Американская военная политика в XXI веке: региональные аспекты. Научный доклад. М.: ИСКРАН, 2012. С. 12.

²⁵The National Security Strategy of the United States of America, The White House, March 2006.

²⁶*Gholz E., Sapolsky H., Talmadge C.* Op. cit. P. 16.

²⁷National Security Strategy, The White House, May 2010.

²⁸National Security Strategy, The White House, February 2015.

²⁹National Security Strategy of the United States of America, The White House, December 2017.

³⁰*Gholz E., Sapolsky H., Talmadge C.* Op. cit. P. 13, 23.

³¹*Jervis R.* Mission Impossible: Creating a Grand Strategy // D.J.Caraley (ed.). The New American Interventionism. Columbia University Press, New York, 1999. 320 p.

³²*Gholz E., Sapolsky H., Talmadge C.* Op. cit. P. 13, 23. P. 131.

³³History of the «National Security Strategy of the United States» // The National Strategy Forum Review, Winter 2009: Volume 19, Issue 1 // URL: <http://nationalstrategy.com/NSFReview/Winter2009Vol19No1USNSS2010.aspx>

³⁴*Sanger D., Lander M.* Trump National Security Strategy Sees U.S. Confronting China and Russia // The New York Times, December 18, 2017.

³⁵*Коньшев В.Н.* Военная стратегия США после окончания холодной войны. СПб.: Наука, 2009. С. 152.

Ключевые слова: военная политика, военная мысль, оборонное планирование, стратегия национальной безопасности США, реформирование вооруженных сил после холодной войны.